

Старостенко Т., к.ф.н.,
ХНПУ імені Г.С. Сковороди, Харків

ХРОНОТОПІЧНА СТРУКТУРА РОМАНУ ДЖ.Р.Р. МАРТИНА «ГРА ПРЕСТОЛІВ»

Стаття присвячена дослідженню просторово-часової організації роману Джорджа Р.Р. Мартина «Гра престолів». Виявлено і проаналізовано основні хронотопічні моделі, представлені у романі, визначено їх роль і місце у структурі твору.

Ключові слова: просторово-часова організація, хронотопічні моделі, аномальний простір.

Starostenko T., Associate Professor,
Gregory Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University

THE CHRONOTOPIC STRUCTURE OF THE NOVEL “A GAME OF THRONES” BY G.R.R. MARTIN

The article deals with the investigation of temporal and spatial structure of the novel by George R.R. Martin “A Game of Thrones”. There have been singled out and analyzed the main chronotopic models represented in the novel, their role and place in the structure of this work of literature have been identified.

Key words: spatial and temporal organization, chronotopic models, an abnormal world.

УДК 82-31

И.Чеснок, магистрант,
Белорусский государственный университет, Минск

ЭВОЛЮЦИЯ НАРРАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА В БЕЛОРУССКОМ РОМАНЕ XX в. (на примерах произведений Максима Горьцкого, Кузьмы Черного, Виктора Козько)

Статья посвящена рассмотрению развития нарратива в белорусском романе. С помощью нарратологического анализа выявляются такие признаки нарративной организации, как нелинейность, многоуровневость передачи точек зрения, внутренняя событийность и ассоциативность.

Ключевые слова: нарратив, белорусский роман, точки зрения, нарративные стратегии, внутренняя событийность, ассоциативность.

В белорусском литературоведении есть много открытых вопросов, связанных с применением нарратологической теории при анализе конкретных произведений. На сегодня

© **И.Чеснок**, 2013

няшний день нарратологический аспект чрезвычайно актуален. Как известно, в художественном тексте *“Нарративная интенциональность высказывания состоит из двух событий – референтного (о котором сообщается) и коммуникативного (само сообщение как событие)”* [1: 300]. В нарратологии непосредственно сам процесс повествования является ключевым.

Цель нашей работы – определить, каким образом в белорусском романе XX в. проявилась тенденция к усложнению нарративной организации произведений (на примере *“Виленских коммунаров”* Максима Горьцкого, *“Сестры”* Кузьмы Черного и *“Хроники детдомовского сада”* Виктора Козько) и выяснить, чем это было обусловлено.

В XX столетии белорусскими писателями создавались как тексты с традиционной нарративной организацией, для которой было характерно преимущественно линейное повествование (с использованием ретроспекций и лирических отступлений), выразительная, логически очевидная система повествовательных инстанций и точек зрения, так и с усложненной, специфической. Усложнение выявлялось в модифицированном выражении нарративных категорий в тексте, в *“расщеплении”* структуры нарратива, в совмещении нескольких нарратив-субдискурсов в границах дискурса одного текста, в наличии *“припрятанных”* точек зрения и т. д. Обратимся к самим произведениям, чтобы проиллюстрировать сказанное.

Еще М. Бахтин в своей книге *“Эстетика словесного творчества”* отметил: *“Писатель – это тот, кто умеет работать на языке, находясь вне языка, кто обладает даром непрямоего говорения”* [2: 289]. В белорусской литературе XX в. такой талант был присущ М. Горьckому, о чем свидетельствует его исключительный по своей художественной значимости роман *“Виленские коммунары”* (1931 – 1932).

В советские времена, когда власть и цензура требовали от писателей единственной линии, которая бы соответствовала официальной идеологии (вспомним, что большинство белорусских писателей в 30-е гг. было репрессировано, особенно те, кто придерживался национальных традиций), творцы, которые не могли и не хотели ее принять, были вынуждены разрабатывать новые нарративные стратегии. Это позволило им выразить свои идеи, однако не спасло от пыток и расстрелов. М. Горьckому удалось в *“Виленских коммунарах”* сказать больше, чем было возможно, посредством нарративных фигур и сложной системы передачи точек зрения.

В романе главный персонаж-нарратор, представитель массы Матей Мышка повествует о своей жизни и жизни своих предков, о событиях разных исторических эпох. Учитываются психологические особенности героя, его взгляды на жизнь, возможности. Манера повествования в произведении в то время, когда события показываются через призму сознания самого Матея Мышки, характеризуется простотой, наивностью, наличием юмора. Используются приемы, характерные для разговорного стиля: *“І ў гэты час, зусім нечакана, як з неба спаў, – прыкаціў, нарэшце, дзядуля з Сібіры...”* [3: 74].

Иногда строение предложений в романе, особенно в его начале, стилизуется под повествовательную интонацию сказок – они же когда-то, у истоков жанра, именно рассказывались: *“засталася бабуля з маленькім сынам адна, як былінка ў полі”*, *“і служыла ў гаспадына Махлярчыка парабчанка”* [3: 20-36]. Как и все детали произведения, такие конструкции используются с определёнными целями. Они настраивают реципиента на восприятие нарратора Мышки как простого человека, представителя народа.

Сама форма повествования в “Виленских коммунарах” близка к сказовой. Однако это не “чистый” сказ. Потому как и само Мышкино повествование нередко выходит за пределы его кругозора и языковой компетенции.

Наррация в романе часто “расслаивается”. И “расслаивается” так, что нельзя однозначно определить момент изменения повествовательного ракурса. Несмотря на то, что внешне нарратор остается один, мы видим в тексте присутствие двух сознаний. Учитывая черты характера, социальное положение, психологию героя, можно примерно определить, какие моменты характерны для его наррации, а какие выходят за границы сознания Мышки. Например, в главе романа “Стой, фальцер, не вались” дается подробное описание панорамы Вильно и исторические сведения о “самом красивом городе на свете”. Здесь хроникер серьезный и настолько точный, что в определенные моменты возникает вопрос, мог ли Матей Мышка, от имени которого ведется повествование, так сказать: *“Напрыклад, другая жонка Вітаўта, Ганна Святаславаўна, князеўна Смаленская, збудавала касцёл святой Ганны – у чыстым гатыцкім стылі, чырвоны, цагляны. Усё вострае імкнецца ўгару, да неба. І здаецца ён лёгкім, невялікім, як цацка”* [3: 48]. В то же время в самом этом описании дается много деталей, которые свидетельствуют о том, что именно Мышка нам рассказывает о Вильно: *“Замкавая гара – як велізарная зялёная капа сена”, “Кажуць, што нават Напалеон разявіў рот на гэтае дзіва архітэктурнага мастацтва, калі ішоў ваяваць у Маскву, быў у Вільні і ў выхадныя дні цягаўся па горадзе”, “Дык у гэтым касцёле ажно дзве тысячы статуі, і нават з гакам”* [3: 48-49] (выделено нами – И. Ч.). В романе есть фрагменты, которые напоминают документальную хронику: *“Было гэта вясною 1914 года”, “Раным-рана 15 верасня 1915 года, у панядзелак [...]”, “Першага мая (1916 г.), нягледзячы на акупацыю [...]”, “Тым часам адбыліся мірныя перагаворы ў Брэст-Літоўску”* [3: 107, 138, 168, 199].

Таким образом, мы видим присутствие сознания, которое владеет более совершенными по сравнению с Матеем Мышкой сведениями о Вильно. Очевидна двойственность в показе города: объективная документальность (и тогда отмечаем, что нарратором является второе сознание) и субъективное восприятие, обусловленное происхождением и характером главного героя (отмечаем, что нарратор равен Матеему Мышке не только формально, но и в плане фокализации). Важным здесь является и то, что такое “расщепление” может происходить в пределах одного абзаца, а то и предложения.

Зачастую мнение Мышки-нарратора сопровождается иронией: *“Было ж гэта ў самым пачатку нямецкае акупацыі, калі вілянчане не паспелі яшчэ дысцыплінавацца на нямецкі лад”, “Дожджык павінен сыпацца з сіцечка на галаву, а ён не сыплецца. А калі, нарэшце, пасыплецца, дык або такі гарачы, што і галава аблезе, або такі сцюдзёны, што і вар’ят апрытомнее. Але акуратны немец акуратна рэгулюе – хвілін 5-10”, “ – Хутчэй, хутчэй, рускія свінні! – ласкава жартуючы, падганяе немец з гадзіннікам на руцэ”, “Кармілі нас вельмі далікатна: каваю з жалудоў”* [3: 146-161]. В приведенных примерах ирония бесспорна, и ее может заметить каждый читатель. Наличие этого художественного приема в данных отрывках дает нам ключ к пониманию всего текста. Именно ирония делает сознание персонажа более объемным, вводит в текст М. Горещкого отголосок второго сознания (носителя второй точки зрения) и становится основой для полифонии, которая была отмечена многими исследователями (М. Стрельцовым, Л. Корень, М. Мушинским, В. Губской).

В “Виленских коммунарах” находим и “чистого” Мышку – без двусмысленности-двуголосости, которую периодически придает ему голос автора.

В отдельных случаях авторская точка зрения напрямую высказывается через передачу Мышкой слов других персонажей. Вот какие слова, что прозвучали на собрании, вспоминает Матей Мышка: “...усё роўна бальшавізм у Расіі скончыцца агульнаю разнёю, тады ўмяшаюцца інішыя дзяржавы і навядоуць парадак, а рускі мужык і рабочы павінен будзе заплаціць ім за тую “дапамогу” вялікую кантрыбуцыю” [3: 246-247]; “найбольш даводзіў, што бальшавікі зусім не інтэрнацыяналісты, а тыя ж маскалі, кацапы, і што пад іх уладаю можна будзе гаварыць толькі па-руску” [3: 247]; “а бальшавікі хочучь, каб усе кветкі страцілі свой прыгожы прыродны колер, каб пабляклі ўсе ў адзін шэры, нудны, аднастайны тон...”[3: 248]. Предполагаем, что в этих высказываниях как раз звучит голос автора. Такое смелое, категорическое слово выделяется из общего языкового течения романа.

О всей нелепости и комизме коммунистической закалки Мышки свидетельствует следующий пример – когда все ждали, что откроется Совет, у Матея Мышки дядя спросил: “Добра?”. Главный герой ответил: “добра”, хотя про себя подумал в этот момент: “Я не ведаю, што “добра”: ці наогул справы нашы добрыя, ці зала добра прыбрана” [3: 259].

В те времена большевики стремились руководить всем, контролировать все, и в произведении это подчеркивается: “За напраўку былі ўсе, апроча камуністаў. [...] І заявіў, што кампартыя пашле тэлеграму без напраўкі” [3: 260].

Непринятие советов не высказывается в романе открыто, а выявляется с помощью специфических нарративных конструкций. Мы находим негативное отношение в голосе автора, который смеется за плечами главного героя.

Нарративная организация “Виленских коммунаров” характеризуется усложнением способов передачи точек зрения. Формально нарратор (субъект речи) на протяжении произведения остается один, однако им выражаются два субъекта сознания, которые представляют разные точки зрения: точку зрения Матея Мышки, которая находится на виду, и затененную точку зрения автора. Сложная система повествовательных инстанций использовалась писателем для “зашифровки” идей романа: с этой целью М. Горецкий избрал в качестве главного героя необразованного человека из масс.

В качестве второго примера усложнения нарративной организации текста в белорусской прозе XX в. рассмотрим ранний импрессионистический роман Кузьмы Черного “Сестра” (создавался на протяжении 1926-1927 гг.).

В особенно новаторском [4: 75] первом крупном произведении писателя обращает на себя внимание категория внутренней событийности. По В. Шмиду, событийность является обязательной категорией для любого нарративного текста. Само событие исследователь определяет, как изменение исходной ситуации в повествовательном мире, или внутренней ситуации того или иного персонажа (ментальные события) [5: 13].

Событийность в романе “Сестра” прежде всего внутренняя: она связана с изменениями, которые происходят в душе, в характере героев. Именно ментальные изменения отображаются через черновский психологизм. Поэтому психологический анализ играет большую роль в стиле писателя. Как писал А. Адамович, “психологическая драма человека, его напряженный ум и мученически острые переживания – основа композиции

у К. Черного” [6: 37]. Подчеркнем, что и все сюжетное действие связано с внутренним движением в душе персонажей.

Ключевым звеном в тексте, которое связывает героев, события (в том числе и те, которые происходили в прошлом), является образ Мани. Нельзя согласиться с мнением, что образ героини ничего особенного не несет [7: 61]. Исследователи, которые так считали, при анализе романа отталкивались от традиционного понимания событийности, имея в виду реалистический дискурс и событийность именно внешнюю. Мы же, рассматривая также и событийность внутреннюю, отметим, что в первую очередь образ Мани помогает героям раскрыться, способствует внутренним изменениям.

Письма, написанные Маней, представляются в произведении как ступеньки к событиям. Они изменяют мировоззрение, настроение, жизнь героев. Любое упоминание о Мане способно подействовать на мысли и поступки центральных фигур “Сестры”.

Самым важным в романе, на наш взгляд, является проблематизация и выявление ментальных поисков Вати Брониславца. В связи с этим можно выделить макро-событие – постижение человеком (Ватей) мира и самого себя.

На протяжении всего произведения, благодаря внутреннему душевному движению, герой эволюционирует. Уже в первой части романа нарратор, когда повествует о встрече Брониславца с Боней и Казимером на квартире у поэта-фыркуна, отмечает: *“Пасля, аглядаючыся на пройзенья буры, успамінаючы іх і напорнасць, і слабасць, ён свядома лічыў момант гэты пачаткам вялікага аднаўлення ў сабе”* [8: 86]. Это свидетельствует о том, что Ватя к обновлению пришел и даже его осмыслил.

Сам факт нескончаемых поисков, отказа от внутреннего спокойствия и самодовольства ставит героя морально выше Казимера, Абрама... Именно Ватю считает наилучшим человеком Родион Тивунчик. О душевном превосходстве Вати говорит Казимеру Маня: *“[...] Бадай-што ён (Ватя – И. Ч.) лепі тут за ўсіх. І за цябе нават. Усё ж ты сухім стаў цяпер. Таксама як, мусіць, і Абрам. А можа, у вас гэта ідэя якая ці мэта ў кожнага засланяе сабою ўсё іншае?”* [8: 268]. И нарратор с симпатией относится к Вате.

О незначительности внешнего в сравнении с внутренним для нарратора и персонажа (Вати) свидетельствует шестнадцатая глава первой части, из-за которой, наверное, и возникла пародия на роман, напечатанная в журнале “Молодняк”¹ за 1929 год (№4). Ватя воспринимает нового знакомого в первую очередь на эмоциональном уровне. Нарратор-психолог, который с легкостью проникал в самые тайные мысли и чувства героев, высказывает здесь столько неуверенности, чтобы подчеркнуть незначительность всего описанного для Вати. Во всем, что происходит, Ватя способен чувствовать и отличать от настоящего все пустое, показное, формальное. Внешнее мало интересует героя, т. к. оно не затронуло его внутренней жизни. Ватю только раздражает новый приятель-фыркун, который играет на публику. Он вызывает у героя отвращение и ненависть, поэтому Ватя кричит: *“Чаго ты чмыхаеш? Што ты хочаш, напаказ сваю ідэалогію вычмыхаць?”* [8: 87].

¹ И. Я. Науменко в книге *“Ранний Кузьма Черный”* приводит такую цитату из молодняковской пародии: *“Ваця зайшоў з ім у нейкі пакойчык. І от тады ён убачыў, што тут былі нейкія людзі з нейкай установы, нешта пілі, нечым закусвалі, нешта разлівалі і аб нечым гаварылі. І яны, гэтыя людзі, далі нешта выпіць Вацю. Ваця нешта выпіў, нечым закусіў і от тады ў яго ад нечага закруцілася нейкая галава, а нейкі нос адчуў ад нейкага чалавека нейкі востры пах. І от тады Ваця пачмыхаў носам, паглядзеў на к пагадзе прыйшоўшага чалавека, падняўся і выйшаў на шырокую, як гэты свет, вуліцу”* (с. 64).

Главный “двигатель” черновского сюжета – ментальные перемены, которые вырастают из чувств, рефлексии. Для автора значительной является та эволюция-революция, что происходит в душе Вати, а не та, от которой “кричат на улицах” (в том числе и такие, как приятель-фыркун).

Наконец, герой окончательно осознал, что важным является совсем не то, увидится ли он с Маней. Самое главное есть в нем самом, и Вагя “*адчуваў толькі, як расце ён для жыцця ў вялікую і патрэбную сілу*” [8: 282]. Это ментальное движение, макро-событие, которое происходит в душе центрального героя, становится основой и для сюжета, и для композиции произведения.

Стоит отметить, что в “Сестре” именно через внутреннюю ментальную событийность презентуются конфликтные ситуации: сначала восприятие персонажами действительности, затем эмоции, потом воспоминания, мысли и, наконец, переосмысление, новое отношение к чему-либо (а в перспективе – к жизни). Так, например, Ирмалевич после встречи с Ватасоном переосмысливает прошлое, свое поведение, поступки, чувствует неловкость и стыд за себя прежнего. Казимер постепенно приходит к выводу, что “*Абрам слаўны... Моцны чалавек... Ён ніколі ні на што не скардзіўся, а рабіў моцна і ўпарта*” [8: 78]. Такие изменения в отношении к другим людям и в отношении к самой жизни можно считать внутренним событием: человек выходит за границы своей прежней униженности и прежнего мировоззрения, мировосприятия. Здесь особенно выявляются такие критерии событийности, как консеквентность [5: 18] и необратимость [5: 12].

То, что через внутреннюю событийность выражаются идеи романа, доказывают и диалоги, полилоги, в которых во время взаимодействия персонажей на первом плане стоит внутреннее, а уже затем внешнее. Абрам разговаривает с Ватей:

– *Усіх не нападўняла адна аднолькаваць, бо ўва ўсякага ёсьць сваё нутро, але агульнасьць застаўляе пачаткіца кожнае нутро.*

– *А калі я не мог іначай... Хіба мог ты глянуць у маю душу?*

– *Цяпер душа адмяняецца, – сказаў кучаравы і чырвоны, тручы канцамі пальцаў куткі вачэй каля пераносся* [8: 90].

В приведенном примере голос случайного персонажа выражает особую точку зрения, с которой и полемизирует автор, создавая образ Вати Брониславца.

Кузьму Черного не единожды сравнивали с Ф. Достоевским. В “Сестре”, как и в романах русского классика, каждому голосу предоставляется слово, каждое мнение выслушивается и учитывается. При этом, согласно с выводом Д. Лихачева, по всех материалах и мнениях Ф. Достоевский выносит свой приговор [9: 67, 68]. В романе “Сестра” также можно заметить: несмотря на значимость всех голосов, нарраторская точка зрения чаще всего совпадает с персональными точками зрения Вати, Мани, Тивунчика.

Третий избранный нами пример усложнения нарративной организации текста – “Хроника детдомовского сада” (1986 г.) В. Козько. В романе В. Козько пишет: “*Памяць, як сабака, усё рве і рве ланцуг, рыскае, кідаецца ў бакі, шукаючы след, здаецца, знаходзіць яго, бярэ, набывае веры і губляе яе*” [10: 68]. И эти слова самого писателя являются наиболее меткой и подходящей характеристикой наррации в его произведении.

Нарратор легко перескакивает с автобиографичности к повествованию от имени четко обозначенных персонажей – будто события увидены глазами Марьяна, Сидора,

Сновдалы, Владика (о героях рассказывается в третьем лице). Когда повествователь описывает события, сны героев, дает оценку конкретным событиям в деревне, он находится где-то вне, как наблюдатель. А если возьмем начало романа: “У ТОЙ ДЗЕНЬ Я ВЫБРАЎ не летишу дарогу, тую, на якой хадзіў у дзяцінстве” [10: 3], – то заметим, что здесь личность писателя находится на первом плане. Именно он является героем, глазами которого показывается читателю мир.

“Хроника детдомовского сада” отмечается фрагментарностью как выявлением “разрушенности” нарратива. Эксперименты с пространственными ассоциациями, совмещение разных временных пластов создают особый тип мировосприятия [11: 743]. Такое мировосприятие является звеном, что, несмотря на некую фрагментарность, обрывистость, объединяет все эти “расщепленные” части и вместе с мотивами и лейтмотивами содействует созданию впечатления композиционно-сюжетной целостности. Важным является и то, что все фрагменты романа объединены образом памяти автора.

Нужно отметить, что разрушение целостности сюжета и нарратива позволяет писателю избежать банальности и искусственности в раскрытии общеизвестных тем, т. к. В. Козько сам признался: “Сюжэты мае аморфныя. Толькі калі я думаю пра ўсё гэта, часам у мяне ўзнікае пытанне: ці магчыма і ці варта вучыць чалавека дыхаць? Памятаю талстоўскае аб тым, чым вышэй чалавек падымаецца па лесвіцы ў неба, тым выразней яму рэчы, што застаюцца ўнізе” [12: 10].

Роман “Хроника детдомовского сада” – плодотворный поиск философского, интеллектуального дискурса: В. Козько пытался модернизировать количественно развитую советскую и раннюю послесоветскую белорусскую прозу – консервативную, довольно монотонную в плане стиля, посредством усложнения нарратива.

Из проведенного нами анализа текстов можно сделать вывод, что усложнение нарративной организации в белорусских романах проявилось еще в 20-30-е гг. XX в. и было обусловлено не только уникальностью таланта каждого из писателей, но и агрессивностью цензуры, общественными и политическими обстоятельствами.

М. Горецкий искал и нашел способ выражения идей непрямым путем. В “Виленских коммунарах” нарратор владеет меньшей компетенцией по сравнению с автором (другим сознанием), имеет особую манеру повествования. И чтобы понять замысел романа, необходимо обращать внимание и на “припрятанные” точки зрения.

В романе К. Черного “Сестра” раскрывается внутренняя событийность, которая впервые в белорусской прозе начинает последовательно доминировать над событийностью внешней.

В послесоветские времена усложнение нарративного строения стало тенденцией, которая была связана со стремлением авторов к оригинальности и непосредственности интеллектуального высказывания. Яркий пример тому – роман “Хроника детдомовского сада” В. Козько.

Таким образом, в рассмотренных нами классических романах выявляется эволюция нарративной организации текста в направлении к постоянному усложнению. Это усложнение в каждом отдельном случае имеет свою интенцию и выполняет свои функции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Тюпа В.И. Нарратологический анализ // Анализ художественного текста: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. 3-е изд., стер. М.: Академия, 2009. – С. 300-328.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.
3. Гарэцкі М.І. Віленскія камунары. Раман-хроніка – Мінск: Беларусь, 1965. – 356 с
4. Корань (Сінькова) Л.Д. Цукровы пеўнік: Літ.крыт. арт. – Мінск. : Маст.літ., 1996. – 286 с.
5. Шмид В. Нарратология – М.: Языки славянской культуры, 2003 – 312 с.
6. Адамовіч А.М. Маштабнасць прозы – Мінск: Навука і тэхніка, 1972. – 200 с.
7. Навуменка І.Я. Ранні Кузьма Чорны – Мінск: Бел. навука, 2000. – 95 с.
8. Чорны К. Збор твораў: У 8-мі т. / Пад рэд. А. М. Адамовіча – Мінск: Маст. літ., 1973. – Т.3. – 544 с.
9. Лихачёв Д.С. Литература-реальность-литература: статьи, Ленинград: Советский писатель 1984. – 272 с.
10. Казько В.А. Хроніка дзетдомаўскага саду. Раман – Мінск: Маст. літ., 1987. – 430 с.
11. Васючэнка П.В. Віктар Казько // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя. Том 4. Кніга І. 1966-1985 – Мінск: Бел. навука, 2002. – С. 729-749.
12. Станкевіч Ю. З Віктарам Казько гутарыць Юры Станкевіч // Крыніца. – №12. – С.7-10.

Стаття надійшла до редакції 10.07.13

Часнок І., магістрант,
Білоруський державний університет, Мінськ

ЕВОЛЮЦІЯ НАРАТИВНОЇ ОРГАНІЗАЦІЇ ТЕКСТУ В БІЛОРУСЬКОМУ РОМАНІ ХХ СТ.

Стаття присвячена розвитку нарації у білоруському романі. За допомогою наратологічного аналізу виявляються такі ознаки нараційної організації, як нелінійність, багаторівнісність передавання точок зору, внутрішня подійність та асоціативність.

Ключові слова: нарація, білоруський роман, точки зору, нарративні стратегії, внутрішня подійність, асоціативність.

Chasnok I., undergraduate,
Belarusian State University, Minsk

THE DEVELOPMENT OF NARRATION IN BELARUSIAN NOVEL OF XX CENTURY

The article focuses on the development of narration in Belarusian novel. By virtue of narratological analysis such features of narrative organization as non-linearity.

Keywords: narration, Belarusian novel, points of view, narrative strategies, internal eventfulness, associativity.